

## РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

С. А. КОРОТАЕВ,  
О. И. ШКАРАТАН

**Постсоветская государственность и общество.****Статья 1. Эволюция социального контракта  
и легитимизация власти\***

В первой статье цикла осуществляется анализ понятий “социальный контракт” и “легитимность” на материалах отечественной и иностранной литературы. Рассмотрены различные подходы к операционализации и измерению легитимности, а также факторы определяющие ее значение. Показано, что, несмотря на широко распространенное представление о качестве демократических процедур как главнейшем условии легитимности власти, более значимым, согласно данным исследований, является качество государственного управления.

**Ключевые слова:** легитимность, социальный контракт, общество и власть, Россия.

Ни одно руководство не может удерживать власть в течение длительного времени, основываясь лишь на принуждении. Как отметил С. Файнер [*Finer 1997*] в своем историческом анализе, правители не смогут сохранить власть, до тех пор, пока они не легитимизированы, а легитимизированы они могут быть только через систему коллективных убеждений (*belief systems*). Системы убеждений сильнее, чем правящие власти, поскольку именно благодаря их силе правители правят.

Наличие легитимности позволяет обеспечить подчинение при минимальном принуждении, снизить страх перед возможностью неповиновения. Основное ее значение в том, что она совместно с организацией административного управления и принуждения обеспечивает надежность, эффективность и долговечность системы власти [*Beetham 2012*].

Наиболее древние известные нам формы легитимности связаны с провозглашением божественности правителя (фараоны Египта, императоры Рима и т.п.) или с наделенностью правителя властью божественной волей (средневековые христианские

---

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10270).

---

К о р о т а е в Сергей Александрович — стажер-исследователь Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. (НИУ ВШЭ). Адрес: 115054, Москва, Малая Пионерская 12. E-mail: skorotaev@hse.ru

Ш к а р а т а н Овсей Ирмович — доктор исторических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, заведующий Лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ ВШЭ, председатель редакционного совета журнала “Мир России. Социология. Этнология”. Адрес: 119049, Москва, Шаболовка ул., д.26, стр. 4. E-mail: ovsey@hse.ru

и мусульманские правители Европы). Реформация и последовавшие изменения политической структуры Европы пошатнули опору под прежними формами легитимации власти, а параллельный этим событиям прогресс философской мысли развил представление о том, что не только подданные имеют обязательства перед правителем, но и последний также определенным образом должен содействовать благу подданных. Возникла идея о рациональных основаниях существования государства, связанная с обоюдными гарантиями и обязательствами подданных и власти, служащими обеспечению блага населения (Т. Гоббс, Д. Локк и др.)<sup>1</sup>. Такого рода гарантии и обязательства можно определить как социальный контракт. Учитывая, что практически все современные государства апеллируют к воле народа, декларируется, что правительства руководят от имени народа (или большей его части), выражают его интересы и служат его благу, социальный контракт становится основой политической легитимности в современном мире [Maxwell 2010].

### Социальный контракт в академической и публицистической литературе

Вообще, в академической литературе термин социальный контракт ассоциируется в первую очередь с работами политических философов XVII–XVIII вв. (Д. Локк, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо) [Bullock, Stallybrass, Trombley 1988; Turner 2006], а также идеями Дж. Ролза [Turner 2006] и некоторых других философов последней четверти XX в. В работах философов социальный контракт предстает как некая достаточно абстрактная модель идеальной политической организации государства, в основе которой лежит стремление к тому, чтобы в максимальной степени учесть интересы всех участников (граждан), без апелляции к традиции и существующему *status quo*. Сам по себе такой контракт — лишь мыслимая модель, имеющая моральную, но не объяснительную ценность, он предлагает ориентиры и идеалы для политических изменений. Хотя исследователи, работающие в поле социальных наук, редко обращаются к концепту “социальный контракт” [Аберкромби, Хилл, Тернер 2004], этот термин все чаще стал употребляться в публицистике. В отличие от понятия легитимности, едва ли апеллирующему к повседневному опыту людей, социальный контракт является понятием доступным неакадемической публике, и поэтому востребованным в журналистике и политической агитации. Так, в 1994 г. Республиканская партия США представила план своих действий в случае получения большинства в палате представителей (чего на тот момент не случилось уже 40 лет), получивший название “Контракт с Америкой” [Turner 2006].

Таким образом, если легитимность — мера согласия между обществом и властью, то контракт характеризует конкретное содержание этого согласия, его качественное измерение. Вопрос о социальном контракте поднимается, как правило, в связи с неудовлетворенностью одной из сторон существующим положением. Этой стороной может быть как правительство, испытывающее проблемы с эффективностью управления ввиду недостатка легитимности или опасющееся политической конкуренции, так и группы или объединения граждан или экономических агентов, имеющие возможность публично заявлять о своей позиции. Так, В. Путин в Бюджетном послании Федеральному собранию (2000 г.) раскритиковал существовавшее на тот момент положение, когда экономические субъекты всеми силами уклоняются от выплаты налогов<sup>2</sup>, пользуясь сложностью и непрозрачностью налоговой системы, а государство, в свою очередь, лишь частично финансирует свои социальные обязательства. Взамен был предложен “новый социальный контракт между государством и обществом”, предполагающий, с одной стороны, оптимизацию бюджетных

<sup>1</sup>Разумеется, подобные и даже более демократические представления существовали и в Древней Греции, но эта традиция была прервана.

<sup>2</sup>Отмечается, что готовность добровольно платить налоги — значимый индикатор легитимности и одно из важнейших ее следствий [Beetham 2012].

обязательств, сохранение тех из них, которые действительно выполнимы и целесообразны, с другой — упрощение налогообложения при общем снижении налогового бремени, что должно было способствовать установлению единых для всех правил игры и выходу бизнеса из тени.

Термин “социальный контракт” в ряде своих работ использовал Г. Явлинский. По его мнению, в течение веков российский общественный договор носил строго патерналистский характер, при котором членам общества гарантируется определенный уровень благосостояния в обмен на их абсолютное послушание<sup>3</sup>. На начало 2000-х гг. некоторые элементы этого договора все еще сохраняются и используются привилегированным кругом бюрократии для своей хищнической деятельности. В то же время параллельно зарождается новый общественный договор, основанный на опоре на собственные силы и свободе экономической деятельности, но лишенный какой-либо институциональной поддержки.

Среди ключевых задач, требующих решения для установления нового общественного договора, Явлинский выделил (на тот момент — начало 2000-х гг.), во-первых, необходимость ограничения тех свобод, которые наносят ущерб другим гражданам (например, преференций, которыми обладают приближенные к власти группы), отмену иных ограничений, служащих обеспечению личных выгод властных групп и коррупции. Во-вторых, создание условий, когда государство, с одной стороны, не будет брать на себя неразумных обязательств, но с другой — не будет отступать от данных прежде обещаний. В-третьих, развитие демократической системы (честные выборы, разделение властей, независимые СМИ), создание нового комплекса правил рыночной игры, независимой от административного произвола [Явлинский, Брагинский 2007, с. 284–296].

К сожалению, эволюция российского государства пошла по практически противоположному сценарию. А. Аузан описал социальный контракт первой половины 2000-х гг. как отказ бизнеса, некоммерческих организаций и граждан от участия в политике в обмен на рост материального благополучия. На место горизонтальных связей нарождающегося гражданского общества, которые были выстроены для обеспечения координации и взаимоподдержки в условиях слабости центральной власти и формальных правил, пришла вертикальная связь с центром, ставшим единственным субъектом внутренней политики [Аузан 2005]. Эта позиция получила широкое распространение и стала общим местом дискуссий о политическом устройстве путинской России и социальном контракте, на который она опиралась.

После событий 2014 г. и последовавшего экономического спада, равно как и резкого ухудшения благосостояния большинства россиян, журналисты и эксперты стали писать о неработоспособности прежнего общественного договора. В этих условиях неспособность властей покупать лояльность общества за деньги может быть компенсирована только репрессиями и пропагандой [Гуриев 2014]. Авторы спекулировали на тему нового общественного договора: “жизнь в обмен на сытость” или “величие в обмен на сытость” (диктат идеологии над экономикой) [Белоусов 2014], “стабильность и социальные гарантии в обмен на лояльность” (точечные репрессии, отсутствие свободы слова, усиление работы с группами поддержки режима) [Грозовский 2016], “тысячелетняя история вместо еды” (предлагается приобщиться к героическому наследию победителей фашизма и покорителей космоса через противостояние внешним врагам и пятой колонне) [Колесников 2016].

А. Мовчан, анализируя масштабные сокращения финансирования ВПК, армии, медицины и образования в новом бюджете, необходимые для сохранения на приемлемом уровне социальных расходов, заключает, что его составителями движет страх перед обществом и уверенность в отсутствии у них мандата на какие бы то ни было

---

<sup>3</sup>В этом смысле социалистическая революция была “контрреволюцией” — ответной реакцией на прослеживаемые с отмены крепостного права попытки введения нового общественного договора [Явлинский, Брагинский 2007, с. 285].

действия, не носящие популистского характера. Их главная забота — социальная стабильность, которую из всех сил поддерживает патерналистская модель государства [Мовчан 2016<sup>а</sup>].

Достаточно сложно всерьез рассматривать подобные интерпретации “общественного договора” с академической точки зрения. Публицисты их используют скорее для демонстрации гротескности преломления российской реальностью идей западной философской мысли, когда на место рационального взаимовыгодного соглашения приходит пассивная лояльность в обмен на психологическое запугивание. Предлагаемые способы концептуализации “общественного договора” в значительной степени локальны и ситуативны и едва ли пригодны для межстрановых или межвременных сравнений. В этом смысле концепт легитимность представляется гораздо более универсальным; кроме того, он получил несравнимо большее распространение среди исследователей в области социальных наук.

### **Понятие легитимности в социальных науках**

Логика анализа содержания социального контракта в России вынуждает нас вернуться к категории “легитимность”, с которой мы начали изложение. Введение понятия легитимность в поле социальных наук связано с именем М. Вебера, именно он сделал легитимность ключевой проблемой политической социологии. Согласно Веберу, легитимность — вера подвластных в значимость господства, причем именно в силу этой веры господство и обретает значимость. Она может гарантироваться как внутренне на ценностно-рациональном, аффективном или религиозном уровне, так и внешне, через рациональное ожидание специфических последствий [Вебер 2016, с. 252, 369–370]. Вебер выделяет три чистых типа господства, различающиеся способами притязания на легитимность: рациональное, традиционное и харизматическое.

Рациональное основано на вере в легальность зафиксированных в формальных актах порядков и легальность права распоряжаться, принадлежащего тем, кто призваны к господству на основе этих порядков. При таком типе господства индивид подчиняется установленному объективному безличному порядку [Вебер 2016, с. 252–255], этому же порядку подчиняются и руководящие лица. Среди них при этом наблюдается четкое разделение сфер ответственности, отделение управления от владения [Вебер 2016, с. 256–258].

При традиционном типе господствует не начальник, а лично господин, те, кто ему в этом помогают, — не чиновники, но слуги, имеющие личные отношения с правителем. Сферы их влияния не имеют четкого разделения. Подчинение происходит не порядку, но персоне, которая обладает свободой издавать приказы в диапазоне, предписанном традицией. Возникающее недовольство оказывается направленным не против системы, но против конкретного лица [Вебер 2016, с. 263–267]. Таким образом, порядки при традиционном господстве отличаются высокой стабильностью.

Наконец, харизматическое господство основано на вере подчиненных в то, что лидер наделен некоторыми исключительными, никому более не доступными силами и способностями. Оно не связано рациональными правилами или прецедентами прошлого и разрушает старый порядок, по мере рационализации и традиционализации устанавливая новый. Когда предыдущий носитель харизмы уходит или утрачивает доверие, возникает вопрос о преемнике, и один из способов его решения — назначение нового носителя харизмы предшественником и признание его общиной [Вебер 2016, с. 279, 282–284].

Как было сказано, подавляющее большинство современных режимов в своей легитимизации апеллируют к воле народа и в качестве своих целей декларируют обеспечение его блага, что предполагает торжество формальных правил и использование рационального бюрократического аппарата. Таким образом, по внешним признакам они соответствуют первому типу в классификации Вебера. По этой причине

Д. Битхэм [Beetham 2012] полагает, что предложенная Вебером типология абсолютно бесполезна для классификации режимов XX в. и современности, хотя и может применяться при рассмотрении более ранних периодов истории<sup>4</sup>. Но с его аргументом сложно согласиться, Вебер не предлагает построения какой-либо классификации, поскольку он описывает идеальные типы, не встречающиеся в чистом виде. Любое господство сочетает в себе все три формы в разных пропорциях, поскольку любая рациональность основана на традиции, а харизматический элемент проявляет себя всякий раз, когда существующая власть себя дискредитирует [Вебер 2016, с. 300]. Более того, роль харизматического воздействия особенно возросла в XX в. в связи, с одной стороны, с развитием медиа, позволивших поднять пропаганду на невиданный ранее технический уровень, с другой — распространением всеобщего избирательного права, сделавшим харизматическую исключительность основным качеством претендента на власть ввиду того, что массовый обыватель не был готов разбираться в тонкостях программ и политических позиций кандидатов.

Дальнейшая эволюция концепта “легитимность” в социальных науках связана с сужением его значения. У Вебера легитимность порядка может гарантироваться, как было сказано, на нескольких уровнях: ценностно-рациональном, аффективном и целерациональном. Несмотря на то, что все эти уровни действительно влияют на отношение индивида к власти и политическому строю, что эмпирически можно наблюдать хотя бы в опросах общественного мнения, собственно с легитимностью связывается ценностно-рациональный уровень. Легитимность как наследие политической философии в основе своей имеет представление об общем благе, очищенном от индивидуальной корысти и эмоций. Так, С.М. Липсет определяет легитимность как способность системы порождать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты наиболее адекватные для общества [Lipset 1959]. Б. Джилли указывает, что легитимность, в его понимании, связана с одобрением государства на отстраненно-нормативном уровне с точки зрения общественного блага, она по определению отличается от той поддержки режима, которая связана с личными выгодами индивида, которые он имеет при данном режиме<sup>5</sup> [Gilley 2006<sup>a</sup>].

### Факторы и признаки легитимности

Легитимность представляет собой меру соответствия характеристик правительства и, шире, государственного устройства системе представлений граждан о “правильном”, “нормальном” устройстве мира. Это представление основано на восприятии норм и убеждений, соответствующих существующей структуре общества и обеспечивающих ее воспроизводство в процессе социализации внутри семьи, в образовательных учреждениях и далее. Внушение представлений о легитимности существующего порядка, выгодного тем, кто занимают в нем господствующее положение, П. Бурдьё называл “символическим насилием” [Бурдьё, Пассерон 2007]. Анализ производства внутри различных полей деятельности (например, искусство, наука) продемонстрировал, что за видимым пространством манифестаций (произведения искусства, научные публикации) скрывается пространство социальных отношений внутри поля, распределение позиций внутри которого связано с распределением ресурсов-капиталов. Логика представлений и установок, задающих консенсус о сущности поля, такова, что скрывает характер обусловленности манифестаций отношениями социальной борьбы и господства внутри поля как от вовлеченных акторов, так и от внешнего наблюдателя. С точки зрения последнего, акторами внутри поля движет чистый непредвзятый интерес в выбранной ими области

<sup>4</sup>При этом типология, предложенная Битхэмом, как представляется, в гораздо большей степени ориентирована на особенности формальной идеологии и самопрезентации режимов, чем на их сущностные черты.

<sup>5</sup>При этом он отмечает, что влияние личных выгод индивида трудно исключить при оценке легитимности, а признаки этого, возможно, в его анализе не удалось выявить в полной мере [Gilley 2006<sup>a</sup>].

деятельности (к прекрасному, к истине), а сами правила деятельности, таким образом, заданы объективной сущностью этой деятельности [Бурдые 2007].

Подобным же образом при анализе социальной связи социальной структуры и диспозиций индивидов Бурдые обнаруживает соответствие, позволяющее этой структуре существовать и воспроизводиться как объективной данности. Система устойчивых диспозиций индивида (габитус) является принципом, порождающим и организующим практики и представления. Различные условия существования производят различные габитусы, соответствующие им практики выражают различия, которые объективно вписаны в условия существования [Бурдые 2001, с. 103–107]. Таким образом, габитус заставляет индивида верить в легитимность существующего порядка в ситуации стабильности и отсутствия резких социальных изменений. Такого рода диспозиции, “объясняющие” или “оправдывающие” социальный порядок – “легитимизирующие мифы” (см. [Tyler 2006]), – могут относиться к совершенно разным составляющим этого порядка. В [Zelditch 2001] указывается на широкий диапазон того, что может быть “легитимизировано”: власть, институты, государственное устройство, статусная иерархия и материальное неравенство.

В этом смысле поведение правительства в доступном ему диапазоне – лишь часть этой картины, но его восприятие связано со множеством других элементов, обычно оставляемых за скобками. Среди примеров такого рода мифов Т. Тайлер отмечает неолиберальные представления о распространенности среди жителей США веры в справедливость рынка как способа распределения ресурсов. Эта вера подкрепляется меритократическим объяснением неравенства, при котором ответственность за бедность несет сам индивид, а не система, а достигнутый статус человека объясняется его способностями. Соответственно, исходя из этой убежденности, люди будут негативно реагировать на попытки вмешательства государства в свободное функционирование рыночных механизмов [Tyler 2006]. Если учесть, что подобный миф едва ли распространен среди россиян, не стоит удивляться иному восприятию неолиберальной политики в нашей стране.

Другой устойчивый в развитых странах западного мира “миф” – убежденность, что легитимность государства в современном мире определяется степенью совершенства демократических институтов. Действительно, совершив самостоятельный выбор между кандидатами в ходе прозрачных и честных процедур голосования, граждане не имеют причин ставить легитимность назначенных ими руководителей под сомнение. Еще одним преимуществом развитой демократии, по сравнению с режимами, в которых сменяемость правительства затруднена (*state-embedded polity*), является то, что граждане, как предполагается, четко разделяются по признаку их отношения к государству и текущему правительству. В результате любой кризис легитимности преодолевается после ближайших выборов [Gilley 2006<sup>a</sup>]. Джилли также приводит эмпирические свидетельства в пользу того, что имеется существенное различие между легитимностью государства и правительства [Gilley 2006<sup>a</sup>]. Согласно результатам исследования [Anderson, Blais, Bowler, Donovan, Listhaug 2005] и коллег легитимность связана с тем, в какой степени те, кто поддерживали проигравшую на выборах сторону, продолжают поддерживать режим.

Измерения легитимности, сконструированные Д. Битхэмом [Beetham 2012], также в значительной степени опираются на качество и действенность правил отбора во власть (хотя и не утверждается, что эти правила непременно должны быть демократическими). К ним относятся:

- то, как правительство приобрело и осуществляет политическую власть, согласуется с мнениями граждан о законах, правилах и обычаях (*legality*);

- обоснование правил принятыми в обществе убеждениями относительно: (а) законного источника власти и (б) надлежащих целей и стандартов управления – иначе говоря, приверженность граждан и власти общим принципам, идеям и ценностям, общей морали (*normative justifiability*);

— позиция власти подтверждается деятельностными актами, выражающими признание гражданами права государства удерживать политическую власть и готовности подчиняться его решениям<sup>6</sup> — участие в выборах, уплата налогов, призыв на военную службу (*legitimation, acts of consent*).

Интересные результаты были получены Джилли, измерившим легитимность в 72 странах мира с использованием этих показателей: уровень легитимности наиболее высок в странах Западной Европы и англосаксонских государствах. Среди государств Латинской Америки, Африки и постсоциалистической Европы наблюдается широкий разброс показателей легитимности. Наиболее яркие исключения — высокие показатели Азербайджана и Китая (9 и 13 места) и низкие многих постсоветских “демократий” (Россия — на последнем месте) [Gilley 2006<sup>a</sup>]. Здесь показательно то, что Китай — страна с авторитарным режимом — имеет очень высокий уровень легитимности, значительно превосходящий многие развитые демократии. В продолжение этой работы были рассмотрены многие каузальные факторы легитимности и сделан вывод, что учет всего лишь трех показателей позволяет объяснить 60% межстрановой вариации (при их учете подушный ВВП незначим): общее управление, рост благосостояния и демократические права. При этом наибольшей вес имеет “качество управления”, существенно опережая примерно равные по значимости “демократические права” и “рост благосостояния” [Gilley 2006<sup>b</sup>].

Также приводятся аргументы в пользу того, что качество электоральных институтов — не главное и необходимое условие высокого уровня легитимности [Rothstein 2009]. Тогда как качество управления таковым является. Главный критерий последнего — беспристрастность, когда представители власти не принимают во внимание никакие особенности случая или личности гражданина, которые не были изначально оговорены в политике или законе (персональные отношения, симпатия и неприязнь).

Приводятся примеры того, что демократические институты не всегда способны обеспечить беспристрастное руководство, тогда как многие меры, направленные на повышение беспристрастности, могут быть изначально непопулярны (например, меры по обеспечению гендерного равенства). В то же время реальная выборность руководства институтов не всегда гарантирует высокое к ним доверие [Rothstein 2009]. В работе [Levi, Sacks, Tyler 2009] показано, что беспристрастность — второй по значимости фактор легитимности, уступающий лишь качеству государственного управления, которое было операционализировано через воспринимаемую коррумпированность и веру в способность государства обеспечить выполнение закона. При этом такие общественные показатели, как ВВП, индексы соблюдения гражданских и политических прав оказались незначимы. В другом исследовании получено, что граждане тогда доверяют своему правительству, когда ожидают перемен к лучшему в ближайшие годы [Mishler, Rose 2001].

В свете вышесказанного неопределенность роли демократических институтов не вызывает удивления. Высокая легитимность достигается тогда, когда представления людей и принятые правила конгруэнтны друг другу<sup>7</sup>. Инерция мышления, обозначаемая на индивидуальном уровне как гистерезис (Бурдье), а на

---

<sup>6</sup>В [Hechter 2009] отмечается, что власть легитимна в той мере, в какой распоряжения правительства будут выполняться даже тогда, когда оно не имеет возможности применить санкции. Когда индивиды или группы подчиняются лишь из страха наказания, они подчиняются силе правительства, но не его легитимности.

<sup>7</sup>Эмпирические свидетельства в пользу данного тезиса представлены, например, в [Peralta 2013]. Высказывается также мнение, что причиной краха коммунистических режимов Восточной Европы мог быть не столько кризис эффективности управления, сколько культурные изменения. Косность этих режимов не позволила им трансформироваться вслед за изменением ценностей и установок населения. Руководство же китайской коммунистической партии смогло вынести урок из этих событий. Под руководством Цзян Цзяминя были проведены грандиозные реформы, направленные на обеспечение легитимности государственного строя. На место устаревшей идеологии с ее классовой борьбой и равенством пришли идеи социальной справедливости и обеспечения гармоничного существования всего народа. Вопрос легитимности

групповом — эффект колеи, ограничивает направления и способы государственных реформ. Именно по этой причине многие молодые демократии долгое время не могут добиться легитимности и эффективности. Таким образом, критическую важность приобретает не столько соблюдение формальных процедур, чья эффективность подтверждена лишь опытом развитых государств, имеющих соответствующую культуру гражданского общества, приобретенную в течение столетий, сколько качеством деятельности государственных институтов. На теоретическом уровне решение данной дилеммы было предложено в [Scharpf 1999], где выделены две формы легитимности: легитимность отбора во власть (*input*) и легитимность, определяемая качеством управления (*output*).

Часто предполагается, и это опять же наследие либеральной и демократической традиции, что все граждане имеют равное значение для легитимизации режима. Однако такая позиция представляется наивной. Помимо того, что социальные группы различаются предпочтениями (в том числе, политическими), что было эмпирически подтверждено в ходе множества исследований, разным группам присуща различная степень осознанности и устойчивости своих политических убеждений, различная готовность к мобилизации, связанная с воспринимаемой ими гомогенностью<sup>8</sup>.

Таким образом, социальные группы, с точки зрения власти, отличаются по степени опасности/полезности и тому, насколько сложно удовлетворить их требования: чьей позицией можно пренебречь, с кем необходимо считаться, чьим мнением можно манипулировать. Вебер вообще полагал, что для власти может быть достаточно обеспечения легитимности в глазах сотрудников администрации и аппарата принуждения, тогда как широкие массы будут подчиняться ввиду отсутствия альтернатив [Вебер 2016]. Очень четко эту мысль иллюстрируют слова Мовчана о характере существующего социального контракта — “права в обмен на лояльность”: каждый получает столько прав, насколько он может проявить лояльность власти, насколько его лояльность для власти полезна [Мовчан 2016<sup>b</sup>].

Резюмируя, отметим, что легитимность зависит от (а) установок, норм, ценностей и представлений различных категорий граждан — их культуры или системы габитусов; (б) социальной и экономической данности — экономического контекста и констелляции социальных сил в обществе, которые объективно существуют вне воли действующего руководства и задают ограничения, с которыми оно вынуждено считаться; (в) политики руководства страны, которое вынуждено выполнять свои обязательства в рамках заданных социальным контрактом перед различными группами, исходя из степени их важности для его легитимизации. В последующих статьях цикла мы рассмотрим взаимодействие постсоветской государственности и населения в контексте легитимизации правящих элит и меняющегося характер социального контракта в условиях социальной трансформации общества.

---

стал одним из ключевых в партийной литературе [Gilley 2007; Xing 2009]. Как было сказано выше, все это позволило добиться очень высоких показателей легитимности.

<sup>8</sup>Группы, члены которых имеют сильные межгрупповые социальные связи, более склонны к коллективному действию, поскольку в таком случае действие опирается на разделяемые нормы и обеспечивает коллективную поддержкой. В то же время группы, для которых сильные связи не характерны, лишены возможности направить недовольство властью в организованный протест. Качество социальных связей опосредует, таким образом, влияние легитимности на вероятность народных выступлений [Horne 2009]. Сильная внутригрупповая взаимозависимость связана с высокой гомогенностью членов, так как в этом случае они объединены общим мироощущением и сходством жизненных позиций. Пример такой группы — дальнобойщики, устроившие массовые акции протеста по поводу введения системы “Платон”.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. (2004) Социологический словарь. М.: Экономика.
- Аузан А.А. (2005) Общественный договор и гражданское общество // Мир России. № 3. С. 3–18.
- Белоусов А. (2014) Конец сытой эпохи: Путин и новый общественный договор ([https://republic.ru/russia/konets\\_sytoy\\_epokhi\\_putin\\_i\\_novyy\\_obshchestvennyy\\_dogovor-1196771.xhtml](https://republic.ru/russia/konets_sytoy_epokhi_putin_i_novyy_obshchestvennyy_dogovor-1196771.xhtml)).
- Бурдые П. (2001) Практический смысл. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии.
- Бурдые П. (2007) Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Бурдые П., Пассерон Ж.-К. (2007) Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение.
- Вебер М. (2016) Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1. Социология. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Грозовский Б. (2016) Дряхлеющий общественный договор // Ведомости. 18 января.
- Гуриев С. (2014) Коррупция разорила российскую экономику // Ведомости. 3 апреля.
- Колесников А. (2016) Новый социальный контракт: “Мы вам – тысячелетнюю историю, а вы отказываетесь от еды” // Forbes. 02 июня (<http://www.forbes.ru/mneniya/vertical/321811-novyi-sotsialnyi-kontrakt-myvam-tysyacheletnyuyu-istoriyk-vy-otkazyvaetes-o>).
- Мовчан А. (2016<sup>a</sup>) Пенсии и силовики. О чем говорит проект бюджета 2017–2019 // Московский центр Карнеги, 14 ноября (<http://www.carnegie.ru/commentary/8fa=65069>).
- Мовчан А. (2016<sup>b</sup>) Особое мнение // Эхо Москвы, 19 октября (<http://echo.msk.ru/programs/personalno/1858046-echo/>).
- Явлинский Г., Брагинский С. (2007) Стимулы и институты. Переход к рыночной экономике в России. М.: ГУ ВШЭ.
- Anderson C., Blais A., Bowler S., Donovan T., Listhaug O. (2005) *Losers' Consent: Elections and Democratic Legitimacy*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Beetham D. (2012) *Political Legitimacy* // *The Wiley-Blackwell Companion to Political Sociology*, Malden (MA): Wiley-Blackwell. Pp. 120–129.
- Bullock A., Stallybrass O., Trombley S. (eds.) (1988) *The Fontana Dictionary of Modern Thought*. London: Fontana Press.
- Finer S.E. (1997) *The History of Government from the Earliest Times*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Gilley B. (2006<sup>b</sup>) The Determinants of State Legitimacy: Results for 72 Countries *International Political Science Review* // *Revue Internationale de Science Politique*. Vol. 27. No. 1. Pp. 47–71.
- Gilley B. (2007) Legitimacy and Institutional Change: The Case of China // *Comparative Political Studies*. Vol. 41. No. 3. Pp. 259–284.
- Gilley B. (2006<sup>a</sup>) The Meaning and Measure of State Legitimacy: Results for 72 Countries // *European Journal of Political Research*. Vol. 45. No. 3. Pp. 499–525.
- Hechter M. (2009) Legitimacy in the Modern World // *American Behavioral Scientist*. Vol. 53. No. 3. Pp. 279–288.
- Horne C. (2009) A Social Norms Approach to Legitimacy // *American Behavioral Scientist*, vol. 53. No. 3. Pp. 400–415.
- Levi M., Sacks A., Tyler T. (2009) Conceptualizing Legitimacy, Measuring Legitimizing Beliefs // *American Behavioral Scientist*. Vol. 53. No. 3. Pp. 354–375.
- Lipset S.M. (1959) Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // *The American Political Science Review*. Vol. 53. No. 1. Pp. 69–105.
- Maxwell B. (2010) A Brief History of Political Legitimacy: Demotic Ideology and the Spread of Democracy // *Nebula*. Vol. 7. No. 4. Pp. 95–102.
- Mishler W., Rose R. (2001) Political Support for Incomplete Democracies: Realist vs. Idealist Theories and Measures // *International Political Science Review*. Vol. 22. No. 4. Pp. 303–320.
- Peralta J.S. (2013) Do Culture and Institutions Matter? Explaining the Sources of Cross-National Regime Support // *Politics & Policy*. Vol. 41. No. 4. Pp. 479–508.
- Rothstein B. (2009) Creating Political Legitimacy: Electoral Democracy Versus Quality of Government // *American Behavioral Scientist*. Vol. 53. No. 3. Pp. 311–330.
- Scharpf F.W. (1999) *Governing in Europe*. Oxford: OUP.
- Turner B.S. (ed.) (2006) *The Cambridge Dictionary of Sociology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Tyler T.R. (2006) Psychological Perspectives on Legitimacy and Legitimation // *Annually Review Psychology*. No. 57. Pp. 375–400.
- Xing G. (2009) Hu Jintao's Political Thinking and Legitimacy Building: A Post-Marxist Perspective // *Asian Affairs: An American Review*. Vol. 36. No. 4. Pp. 213–226.
- Zelditch M. (2001) *Theories of Legitimacy* // *The Psychology of Legitimacy: Emerging Perspectives on Ideology, Justice, and Intergroup Relations*. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press.

---

# Post-Soviet Statehood and Society.

## Part 1. Evolution of the Social Contract and the Legitimacy of Authority

S. KOROTAEV\*

O. SHKARATAN\*\*

\***Korotaev Sergey** — Trainee Researcher of the Laboratory for Comparative Analysis of Development in Post-Socialist Countries NRU HSE. Address: 115054, Moscow, Malaya Pionerskaya 12. E-mail: skorotaev@hse.ru

\*\***Shkaratan Ovsey** — Doctor of Sciences in Historical Sciences and Archaeology, Tenured Professor NRU HSE, Head Laboratory for Comparative Analysis of Post-Socialist Development NRU HSE, Chairman of Editorial Council in journal "Universe of Russia. Sociology. Ethnology". Address 119049, Moscow, Shabolovka 26/4. E-mail: ovsey@hse.ru

### Abstract

The paper provides survey of the Russian and foreign literature on notions "social contract" and "legitimacy". The different approaches to operationalization and dimension of legitimacy, factors to setting of legitimacy significance are examined. On the base of the researches' results it is shown that in spite of the widely spread standpoint about importance of democratic procedures as main condition for authority's legitimacy the quality of state government is found out to be more significant.

**Keywords:** legitimacy, social contract, society and authority, Russia

### REFERENCES

- Aberkrombi N., Hill S., Turner B.S. (2004) *Sotsiologicheskii slovar* [Sociological dictionary]. Moscow: Ekonomika.
- Anderson C., Blais A., Bowler S., Donovan T., Listhaug O. (2005) *Losers' Consent: Elections and Democratic Legitimacy*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Auzan A.A. (2005) Obschestvennyi dogovor i grazhdanskoe obschestvo [Public contract and civil society]. *Mir Rossii*, no. 3. pp. 3–18.
- Beetham D. (2012) *Political Legitimacy*. The Wiley-Blackwell Companion to Political Sociology, Malden (MA): Wiley-Blackwell, pp. 120–129.
- Belousov A. (2014) *Konets sytoy epokhi: Putin i novyy obshchestvennyy dogovor* [The end of the gorged stage: Putin and the new social contract] ([https://republic.ru/russia/konets\\_sytoy\\_epokhi\\_putin\\_i\\_novyy\\_obshchestvennyy\\_dogovor-1196771.xhtml](https://republic.ru/russia/konets_sytoy_epokhi_putin_i_novyy_obshchestvennyy_dogovor-1196771.xhtml)).
- Bourdieu P. (2001) *Prakticheskiy smysl* [Practical sense]. St-Petersburg: Aleteya; Moscow: Institut experimentalnoi sociologii.
- Bourdieu P. (2007) *Social'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. Moscow: Institut experimentalnoi sociologii; St-Petersburg: Aleteya.
- Bourdieu P., Passeron J.-K. (2007) *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya* [Reproduction: elements of educational system theory]. Moscow: Prosveshcheniye.
- Bullock A., Stallybrass O., Trombley S. (eds.) (1988) *The Fontana Dictionary of Modern Thought*. London: Fontana Press.
- Finer S.E. (1997). *The History of Government from the Earliest Times*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Gilley B. (2006<sup>b</sup>) The Determinants of State Legitimacy: Results for 72 Countries International Political Science Review. *Revue internationale de science politique*, vol. 27, no. 1, pp. 47–71.
- Gilley B. (2007) Legitimacy and Institutional Change: The Case of China. *Comparative Political Studies*, vol. 41, no. 3, pp. 259–284.
- Gilley B. (2006<sup>a</sup>) The Meaning and Measure of State Legitimacy: Results for 72 Countries. *European Journal of Political Research*, vol. 45, no. 3, pp. 499–525.

- Grozovskiy B. (2016) Dryahleyuschii obschestvennyi dogovor [The senescent social contract]. *Vedomosti*. 18 January.
- Guriev S. (2014) Korruptsiya razorila rossijskuyu ekonomiku [Corruption has ruined Russian economy]. *Vedomosti*. 3 April.
- Hechter M. (2009) Legitimacy in the Modern World. *American Behavioral Scientist*, vol. 53, no. 3, pp. 279–288.
- Horne C. (2009) A Social Norms Approach to Legitimacy. *American Behavioral Scientist*, vol. 53, no. 3, pp. 400–415.
- Kolesnikov A. (2016) Novyi social'nyi kontrakt: "My vam – tysyacheletnyuyu istoriyu, a vy otkazyvaetes' ot edy" [The new social contract: "We give you a thousand years of history, and you deny yourselves food"]. *Forbes*, 2 June (<http://www.forbes.ru/mneniya/vertical/321811-novyi-sotsialnyi-kontrakt-my-vam-tysyacheletnyuyu-istoriyu-vy-otkazyvaetes-o>).
- Levi M., Sacks A., Tyler T. (2009) Conceptualizing Legitimacy, Measuring Legitimizing Beliefs. *American Behavioral Scientist*, vol. 53, no. 3, pp. 354–375.
- Lipset S.M. (1959) Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *The American Political Science Review*, vol. 53, no. 1, pp. 69–105.
- Maxwell B. (2010) A Brief History of Political Legitimacy: Demotic Ideology and the Spread of Democracy. *Nebula*, vol. 7, no. 4, pp. 95–102.
- Mishler W., Rose R. (2001) Political Support for Incomplete Democracies: Realist vs. Idealist Theories and Measures. *International Political Science Review*, vol. 22, no. 4, pp. 303–320.
- Movchan A. (2016<sup>b</sup>) Osoboje mnenie [Special opinion]. *Echo Moskvy*, 19 October (<http://echo.msk.ru/programs/personalno/1858046-echo/>).
- Movchan A. (2016<sup>a</sup>) Pensii i siloviki. O chem govorit proekt byudgeta 2017–2019 [Pensions and power agents. What the budget project for 2017–2019 means]. *Moskovskiy centr Karnegi*, 14 November (<http://www.carnegie.ru/commentary/8fa=65069>).
- Peralta J.S. (2013) Do Culture and Institutions Matter? Explaining the Sources of Cross-National Regime Support. *Politics & Policy*, vol. 41, no. 4, pp. 479–508.
- Rothstein B. (2009) Creating Political Legitimacy: Electoral Democracy Versus Quality of Government. *American Behavioral Scientist*, vol. 53, no. 3, pp. 311–330.
- Scharpf F.W. (1999) *Governing in Europe*. Oxford: OUP.
- Turner B.S. (ed.) (2006) *The Cambridge Dictionary of Sociology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Tyler T.R. (2006) Psychological Perspectives on Legitimacy and Legitimation. *Annuaire Revue Psychology*, no. 57, pp. 375–400.
- Weber M. (2016) *Chozyaistvo i obschestvo: ocherki ponimayushei sociologii* [Industry and society: notes of Interpretative sociology]. T. 1. Sociologiya. Moscow: Izdatel'sky dom Vyshey shkoly ekonomiki.
- Xing G. (2009) Hu Jintao's Political Thinking and Legitimacy Building: A Post-Marxist Perspective. *Asian Affairs: An American Review*, vol. 36, no. 4, pp. 213–226.
- Yavlinskiy G., Braginskiy S. (2007) *Stimuly i instituty. Perehod k rynochnoy ekonomike v Rossii* [Incentives and institutes. The transition to the market economy in Russia]. Moscow: GU VShE.
- Zelditch M. (2001) Theories of Legitimacy. *The Psychology of Legitimacy: Emerging Perspectives on Ideology, Justice, and Intergroup Relations*. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press.